

На правах рукописи

Повалко Полина Юрьевна

**СЕМИОЗИС ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И
ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ**

Специальность: 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2018

Работа выполнена на кафедре общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Научный руководитель:

кандидат филологических наук (10.02.20), доцент **Рыбаков Михаил Анатольевич**, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов».

Официальные оппоненты:

Доктор филологических наук (10.02.01), профессор **Бабенко Наталья Григорьевна**, профессор кафедры славяно-русской филологии, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Русистика и прикладная лингвистика» Института гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Кандидат филологических наук (10.02.20), доцент **Чичина Марина Олеговна**, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН».

Защита диссертации состоится «01» июня 2018 г. в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 212.203.12 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, зал №1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат диссертации размещен на сайте РУДН – www.rudn.ru и сайте ВАК Минобрнауки РФ <http://vak.ed.gov.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 212.203.12
кандидат филологических наук, доцент

Н. Ю. Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено выявлению специфики компонентов и средств репрезентации семиотического акта (семиозиса) категорий времени и пространства в текстах современных русских романов-антиутопий.

Обращение к категориям пространства и времени в нашем исследовании неслучайно, оно объясняется тем, что «мир определяется языком через лично-пространственно-временные координат»¹. Вне пространства-времени не существует бытия: не существует ни человека, ни его способности исследовать различные картины мира, проявляющиеся в языке. Пространство и время являются необходимой формой всякого познания, начиная от элементарных восприятий и представлений, они же определяют формы бытия вещей, людей, явлений или событий, характеризуют способы их существования. Творческий процесс познания и задействованное в нём сознание позволяет обнаружить пространственно-временное восприятие, выявить способы его описания. Вокруг категорий пространства и времени осуществляется осознание и осмысление любого культурного явления, любого человеческого произведения, в том числе произведения литературного.

Образуемая категориями пространства и времени система моделирует повествование в художественном тексте, обеспечивает целостное восприятие художественной действительности, организует структуру произведения и, что немаловажно, – формирует художественный смысл. По М. М. Бахтину, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов. То есть каждая из категорий представляет собой отдельную смыслообразующую знаковую систему.

Кроме того, в русской литературной традиции категории времени и пространства являются определяющими.

Ключ к пониманию семиотики категорий пространства и времени лежит в исследовании языковых средств их выражения, поскольку, как справедливо заметила Е. С. Кубрякова, именно они отражают и объективируют то, что уже подвергалось когнитивной обработке человеческим разумом.

Традиционно описание данных категорий начинается с попыток построения модели, чаще всего представленной лексико-семантическими полями. Такие модели были предложены многими учёными (Н. Д. Арутюнова, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, В. Г. Гак, Л. Г. Панова и др.), но ни одна из них не получила общего признания.

При изучении проблемы времени-пространства как текстовых категорий в филологии широко применяется анализ языковых средств / языковых форм выражения. Имеется большое количество работ, освещающих разные формы

---

¹ Мякшева О.В. Пространственная семантика: ресурсы языка и их функциональный потенциал / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 12

выражения этих текстовых категорий: в них подробно описаны морфологический (А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, М. В. Гаврилова, М. А. Кронгауз, Е. С. Кубрякова, Н. А. Николина, Л. Г. Панова, А. А. Потебня, З. Я. Тураева, Р. О. Якобсон и др.), лексико-семантический (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, В. Н. Денисенко, М. А. Орешко, Э. В. Нестерик, Л. Г. Панова и др.), синтаксический (Г. А. Золотова, О. В. Мякшева), концептуальный (Г. М. Байдуков, М. Бансимба, Т. В. Булыгина, Н. А. Ветрова, Т. А. Зуева, З. Г. Набережная, М. А. Орешко, Е. В. Пупынина, Ю. Д. Тильман, А. Д. Шмелёв и др.) аспекты. Некоторые исследования предлагают описание сразу нескольких уровней формального выражения категорий (С. Б. Аюпова, Е. Ю. Владимирский, М. В. Всеволодова, В. В. Виноградов, М. А. Кунижева, А. Ф. Папина, Е. Е. Яковлева и др.). Ряд работ посвящен особенностям категорий времени и пространства, отличающих конкретные художественные произведения, целые литературные циклы или творчество отдельно взятого писателя (М. В. Гаврилова, А. В. Горина, Д. А. Замятин, Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, М. Ю. Михеев, А. Николова, Д. А. Салимова, Ю. Д. Данилова, М. А. Тугаева и мн. другие) .

Однако нам представляется, что не менее ценным аспектом изучения категорий времени и пространства является установление связи языковых средств художественного текста с процессом семиозиса указанных категорий.

Под семиозисом в данном исследовании понимается динамический процесс означивания и интерпретации категорий времени и пространства, в котором данные текстовые категории проявляют свою двойственную знаковую сущность, а именно выступают в качестве означаемого и означающего.

В тексте любого художественного произведения категории пространства и времени выстраиваются «как иерархизованная структура соподчиненных смыслов»² и, преобразуясь из категорий геометрического и физического в категорию семиотического, становятся, по меткому выражению Ю. М. Лотмана, языком, способным выражать разные содержательные понятия. Таким образом, мы можем говорить о семиотическом и лингвопоэтическом характере категорий времени и пространства в художественном тексте.

Актуальность настоящего диссертационного исследования определяется тем, что оно осуществлено в рамках современной антропоцентрической лингвистической парадигмы, которая ориентирована на изучение связи языка и культуры, языка и человека в культуре, человека и знаковых систем, им порождённым, в том числе и на определение роли писателя и читателя в концептуализации художественного мира через посредство таких его изначальных констант, как время и пространство.

Актуальность исследования обусловлена также тем, что новые контексты, создающиеся в XXI веке, иначе расставляют акценты в темпоральной и

---

² Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. ред. Цивьян Т.В. М.: Наука, 1983. – С. 242

локальной категориях художественного текста, привносят в них дополнительную детализацию, формируют уточнённое содержание как авторской позиции, так и читательского восприятия; существуя в этих контекстах, одновременно отражая и создавая их, современный роман трансформирует способы формирования семиотики текста в целом и отдельных его категорий – что и требует дополнительного исследовательского осмысления.

Кроме того, актуальность обусловлена и методологическим подходом к исследованию, отвечающим современным мировым тенденциям, которые связаны с междисциплинарным взглядом на научные исследования вообще и на интерпретацию художественного текста в частности. Е. С. Кубрякова указывает на слияние и органическое соединение различных подходов: когнитивного, коммуникативно-функционального и герменевтического.

Научная новизна работы заключается в том, что в исследовании предпринята попытка проследить сущность семиозиса универсальных языковых категорий в художественном тексте. В работе объединены методы философского, лингвистического и лингвопоэтического рассмотрения категорий пространства и времени, семиотических исследований явлений культуры и анализа языковой репрезентации хронотопа и произведён комплексный анализ, учитывающий все перечисленные аспекты.

Новизна диссертационной работы связана также с тем, что в семиотическом акте пространство и время предстают не только в качестве означаемого, но и в качестве означающего по отношению к другим смыслам (мироустройства и мировосприятия).

Кроме того, материал исследования также характеризуется новизной: в частности, романы А. Кабакова «Невозвращенец» и В. Сорокина «Теллурия» впервые становятся объектом лингвистического исследования.

Объект исследования – разноуровневые языковые средства, участвующие в семиозисе категорий пространства и времени и структурирующие семантику художественного текста.

Предметом исследования является процесс порождения в тексте семантики связанных знаков, относящихся к категориям времени и пространства.

Цель работы заключается в раскрытии специфики компонентов семиотического акта (семиозиса) в текстах современных русских романов.

Достижение цели обеспечивается последовательным выполнением ряда частных задач:

- выявить принципы семиотического подхода к анализу художественного текста в целом и его ключевых категорий;

- описать структуру и функции категорий времени и пространства в художественном тексте, в философском, художественном и лингвистическом

аспектах, проследить, каким образом эти аспекты сходятся в семиотическом подходе;

– последовательно раскрыть и описать сущность семиозиса категории времени и категории пространства в каждом из выбранных романов;

– определить, изменяются ли функции и структура указанных категорий, их взаимосвязи в современном художественном тексте;

– установить набор языковых средств, которые участвуют в семиозисе категорий пространства и времени и структурируют семантику художественного текста в выбранных романах.

Методологической основой исследования послужили исследования отечественных и зарубежных учёных в области семиотики и лингвосемиотики (Р. Барт, Вяч. Вс. Иванов, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Ч. Моррис, Ч. Пирс, Ю. С. Степанов, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян, У. Эко), лингвистики текста и теории дискурса (И. Р. Гальперин, Е. С. Кубрякова, Т. М. Николаева, Л. А. Ноздрина), общей и лингвистической семантики (Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, Л. А. Новиков, В. А. Плунгян).

При анализе философской природы пространства и времени теоретическую базу составили труды Аристотеля, Платона, В. И. Вернадского, Э. Гуссерля, Ж. Дерриды, И. Канта, М. Мамардашвили, П. А. Флоренского, М. Хайдеггера, а также интерпретации этих первоисточников И. С. Вдовиной, П. П. Гайдено, Р. А. Гальцевой.

Аспект изучения проблемы поэтики категорий пространства и времени был раскрыт на основе исследований М. М. Бахтина, И. Р. Гальперина, Ю. В. Казарина, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, С. Ю. Неклюдова, Н. А. Николиной.

Основу для рассмотрения категорий пространства и времени с лингвистической точки зрения составили работы Н. Д. Арутюновой, С. Б. Аюповой, А. В. Бондарко, М. В. Всеволодовой, В. Г. Гака, М. А. Кронгауза, В. Н. Топорова, З. Л. Тураевой, Е. С. Яковлевой и других исследователей.

Цели и задачи исследования определили **методологические подходы** к исследованию. Анализ категорий пространства и времени осуществляется с учётом междисциплинарного подхода к ним:

– Через осмысление философской сущности этих категорий возможно определить особенности пространственной и временной организации художественного мира, создаваемого автором.

– Литературоведческий подход проявляется в осознании того, каким способом языковые средства участвуют в создании жанровых особенностей произведения, идейно-образной структуры текста, смысловом и эмоциональном оформлении художественного мира.

– Лингвистический подход связан с формой выражения художественного в тексте и с предметом исследования.

– Для объединения данных направлений исследования предлагается использовать семиотический подход, формирующий в некотором смысле особый «метаязык», интегрирующий различные методы в рамках всех перечисленных подходов.

В современной научной традиции в качестве текстов (а, значит, и системы знаков) рассматриваются не только отделимые фрагменты письменной или устной речи на естественном языке, но и вообще любые результаты осмысленной деятельности. По мысли Вяч. Вс. Иванова, область знаков, символов и текстов, состоящих из знаков и символов, настолько широка, что в некотором смысле совпадает со всей духовной культурой.

Восприятие внешних для человека вещей, а также человеческих действий обращено к предмету этого восприятия. Познание же реальности и действительности (миров вещей и действий) осуществляется человеком через посредство знаков. Семиотика становится инструментом изучения мира, который существует в сознании: в нашем собственном сознании и в сознании Другого. Именно по этой причине мы можем говорить о семиотическом подходе как об универсальном аппарате исследований, подходящем для гуманитарных и социальных наук, аппарате, который направлен на смыслы, выраженные в знаках.

Идея рассмотрения семиотики как метадисциплины, своего рода «математики» для гуманитарных и социальных наук принадлежит Ч. Моррису, который считал, что она должна стать унифицированным инструментом изучения любых явлений, имеющих знаковую природу. Схожую мысль высказывал Ю. С. Степанов, который заметил потребность, неизбежность и внутреннюю оправданность выделения семиотики в науку особого ранга, в своего рода метанауку.

Семиотический взгляд находит отражение в учёте разнообразных контекстов, которые служат кодификации пространственных и темпоральных характеристик художественного текста. Именно семиотический язык позволяет преодолеть некоторую «узость» чисто лингвистического взгляда при анализе таких сложных категорий, как пространство и время, и выявить связи исследований языка с иными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека. Учитывая философские, филологические, культурологические и исторические коннотации, исследователь получает возможность добиться полноты и подлинности анализа, раскрыть и интерпретировать все заложенные в тексте смыслы.

В исследовании мы придерживаемся идеи Ю. М. Лотмана о принципиальных различиях между знаком языковым и знаком художественного текста. По мысли Ю. М. Лотмана, в естественном языке знаком будет устойчивая инвариативная единица текста, то есть для общезыковых знаков границы будут определены непосредственно

«графической» границей фонемы, морфемы, лексемы и т.д. В художественном же тексте «происходит семантизация внесемантических (синтаксических) элементов естественного языка. Вместо четкой разграниченности семантических элементов происходит сложное переплетение: синтагматическое на одном уровне иерархии художественного текста оказывается семантическим на другом»³. То есть, отдельное слово с пространственной или темпоральной семантикой становится – по терминологии Ч. Пирса – единичным знаком и не может интерпретироваться как знак категории пространства / времени. И только встраиваясь в семантический ряд, оно обретает знаковую способность раскрывать заложенные смыслы, участвует в семиозисе и становится инструментом читательской интерпретации.

Среди исследовательских методов, применявшихся в работе, отметим следующие: метод текстового поля, метод семантического анализа, метод оппозиций, метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа и др.

Языковой материал исследования составили произведения современных русских авторов: «Кысь» Т. Толстой, «Невозвращенец» А. Кабакова, «Теллурия» В. Сорокина. Обнаруживая сходные жанровые черты и отражая все эстетико-культурные и политико-социальные контексты конца XX-начала XXI века, перечисленные романы представляют собой значительное явление в современном культурном процессе, являются показательными с точки зрения семиотики интересующих нас категорий и, кроме того, пространственная и темпоральная категории в них обладают возможностью сопоставления. Помимо этого, в данных романах ярко проявлена динамика семиотического процесса, а семиозис отдельных текстовых категорий обнаруживает особенности, которые требуют исследовательского внимания.

Теоретическая значимость исследования определяется: во-первых, разработкой системного семиотического подхода к анализу современного русского художественного текста, осуществляемого в рамках междисциплинарных исследований; во-вторых, вкладом в разработку проблем категорий пространства и времени, их семиотического анализа в фундаментальной отнесенности к бытию, познанию и языку; в-третьих, выявлением специфики категорий пространства-времени, их функций и семиозиса в современном русском антиутопическом романе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в общих и специальных курсах по лингвистике текста, на практических занятиях по лингвистическому анализу и интерпретации текста художественных произведений. Кроме того, предложенный в исследовании семиотический подход к анализу текстовых категорий может применяться в практике научных исследований по филологической герменевтике и лингвистике текста.

---

³ Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998. – С. 34

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Категории времени и пространства не являются гомогенными: в них содержатся представления о физических, биологических, психологических, эстетических, вербальных свойствах мира.
2. Художественное осмысление категорий пространства и времени включает в себя их рассмотрение в иерархии слагаемых, образующих семантическое пространство текста, изучение смыслообразующего значения художественного пространства и художественного времени, их анализ в аспекте композиции.
3. Художественное время и художественное пространство выступают и в качестве лингвистических категорий, и в статусе универсалий текста, его семантической основы и главных элементов структуры.
4. Языковая репрезентация категорий времени и пространства затрагивает все языковые уровни и включает в себя не только лексемы, но и синтаксемы, граммы, синтагмы, хрононимы и топонимы – по сути, практически все языковые единицы, которые участвуют в создании пространственно-временного континуума в тексте художественного произведения.
5. В современном художественном тексте, испытывающем на себе воздействие постмодернистских культурных традиций, наблюдается предельно свободная манипуляция категориями пространства и времени: несмотря на свою универсальность, они выстраиваются в произведении каждый раз по-новому. Автор современного текста может отменить детерминированность человека временными и пространственными контекстами и перевести категорию пространства-времени из центральных категорий художественного текста на периферию, оставляя, однако, их как неперемное условие репрезентации своих идей

Апробация работы. Ключевые результаты исследования изложены в 8 публикациях, из которых 1 опубликована в издании, индексируемом международной базой данных Web of Science, 5 размещены в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, а также были представлены на международных научных конференциях: «Global scientific activities: current issues, achievements and innovations», проходившей в феврале 2017 года в Мюнхене, и LXVII Международной научно-практической конференция «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии», проходившей в Новосибирске в декабре 2016 года.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **Введении** обосновываются актуальность темы исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи работы, характеризуются эмпирический материал и применяемые методы его исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации работы.

Первая глава носит название «**Теоретические основы изучения художественного текста и его категорий как знаковых систем**» и представляет собой теоретическо-аналитическую часть исследования.

В первом разделе первой главы «Понятие семиозиса и его сущность в художественном тексте» раскрывается понятие семиозиса, уточняется содержание семиотического процесса в художественном тексте и раскрываются особенности семиозиса в современных прозаических произведениях утопического жанра.

Понятие семиозиса в научных исследованиях предстаёт многогранным и сложным явлением. Философское понимание семиозиса можно характеризовать как дискурсивное: поиски модели интерпретации знаков и отношений между означаемым и означающим исследователями продолжаются. Масштабность и разнонаправленность философского определения семиозиса позволяет акцентировать исследовательское внимание и на концептуальной сущности последнего, и на его связанности со сферой литературоведения и лингвистики.

Художественный текст рассматривается всегда с философских, лексико-грамматических и обобщающих семиотических позиций, что делает очевидным факт знаковой интерпретации. Интеграционный характер семиотики, которая исследует результаты осмысленной деятельности человека вообще, а, значит, и любых гуманитарных и социальных наук, творческой деятельности, позволяет нам говорить в нашем исследовании о семиотическом подходе, который служит выявлению смыслов, заложенных в художественном тексте, на философском, литературоведческом, лингвистическом уровнях.

В тексте художественного произведения семиозис представляется динамическим процессом, связанным с опытом функционирования смыслов, в котором можно выделить три этапа: денотация (означивание), коннотация (образование многоуровневых значений через контексты) и детерминация интерпретации самим текстом.

Процесс семиозиса в современном русском романе-антиутопии имеет ряд особенностей, имеющих важнейшее значение для нашего исследования. С одной стороны, современный художественный текст, несомненно, подвержен воздействию постмодернистской эстетики. Реальность для постмодерна фиктивна, и знаки отсылают только к знакам. Понятие реальности формируется в зависимости от концептуальных моделей и представлений участников

семиотического процесса. При этом в роли знаков потенциально может выступать любой аспект текста, в том числе его категории и лексико-грамматические средства. Современный автор, таким образом, обращается к искущённому читателю, читателю, который способен не только раскодировать текст, отозваться на языковую игру, уловить все контексты, но и выступить по сути «соавтором» произведения, привнеся дополнительные, обусловленные личным опытом, смыслы, конструируя собственное содержание знаков, которое может отличаться от авторской интенции. В этом ключе получает развитие мысль А. А. Потебни о том, что слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения.

С другой стороны, особенности семиотического процесса актуализируются и в связи с жанровой характеристикой выбранных для исследования романов, а именно: русской антиутопией.

Близость антиутопических идей русскому читателю несомненна: опыт построения нового общества, радикально новых экономико-политических и социально-культурных реалий обострил литературный читательский вкус, сделал русского читателя знатоком карнавальной культуры (как важной составляющей антиутопии) не только в рамках текста, но и в реальности событий, происходящих в стране ежедневно. Опыт проживания социальных и культурных катастроф XX века обогатил «культурную память» читателя, актуализировал, по Ю. М. Лотману, диахронную глубину семиотического процесса.

Автор, в свою очередь, по тем же причинам, что и читатель, легко и непринужденно выстраивает семиотику антиутопических миров, – потому что коды таких «картин мироустройства» известны ему с советского детства или постсоветской юности. Семиозис, на который нацелен автор русского антиутопического текста, для читателя – привычная знаковая система, выборы героя романа-антиутопии – это выборы любого думающего человека, ежедневные в антиутопической реальности.

Если семиозис через интерпретацию знаков формирует общие коды для читателя и автора, то особый интерес представляют именно русские правила идентификации такого процесса. Мировой антиутопический роман зачастую предлагает читателю сначала ознакомиться с правилами и законами создаваемого художественного мира, тем самым формируя читательский семиозис, русский же антиутопический роман не порождает неожиданно новой для читателя семиотики – читатель знаком с миром абсурда, карнавала и, в некотором смысле, является не менее опытным проводником в карнавальной среде, чем автор. И здесь главенствующее положение занимает «память культуры» (Ю. М. Лотман) и «память жанра» (М. М. Бахтин).

Во втором разделе первой главы «Категории пространства и времени и проблемы их изучения» исследуемые категории рассматриваются с философских, общекультурных и художественных позиций. Показывается

семиотическая и лингвопоэтическая сущность данных категорий, предлагаются «измерения» данных категорий для дальнейшего анализа и выделяются языковые средства репрезентации темпоральной и локальной категорий.

Основные философские дискуссии в отношении категорий пространства и времени были связаны с понятиями их объективности / субъективности. Однако независимо от формы существования времени и пространства – субъективной или объективной – ключевым аспектом в понимании этих категорий становится человеческое сознание, человеческое восприятие и осознание пространства-времени, что неизменно находит отражение в художественном осмыслении данных категорий.

Художественное осмысление категорий времени и пространства включает в себя их рассмотрение в иерархии слагаемых, образующих семантическое пространство текста, изучение смыслообразующего значения художественного пространства и художественного времени, их анализ в аспекте композиции. Художественное время и пространство не только воплощают реальность и действительность, но отражают их осмысление, переживание и оценку. В этом состоит условность текстовых категорий.

Писательская интенция позволяет трансформировать пространство и время с целью реализации авторского замысла, создания и редуцирования смыслов в читательской рецепции.

Категория пространства в художественном тексте разрабатывается в соответствии с философским представлением о ней. Описанные философские концепции пустого и заполненного мирового пространства и относительного пространства-времени находят отражение и в моделях художественного мира. В тексте художественного произведения категория пространства выстраивается как иерархия соподчиненных смыслов и помимо философских воззрений, на семиотику художественного пространства оказывают влияние такие аспекты произведения, как жанровые особенности текста, характеристика главного героя и координаты физического пространства художественного мира.

Время, как и пространство, является одним из базовых понятий науки, философии, культуры, антропологии. Категория времени крайне неоднородна: в ней получают отражение представления о физических, биологических, социальных, психологических, эстетических свойствах бытия. Многоаспектность и феноменологическая сложность темпоральной категории породила основные философские концепции времени (в частности, концепции субъективного / объективного времени). Модели времени, предложенные философами, получили художественное осмысление. Художественное время понимается как особая форма познания, объединяющая в себе особенности реального, перцептуального и психологического времени, оно трёхаспектно – предстаёт в качестве сложного смыслового переплетения трёх пластов восприятия времени: автора, персонажа и читателя. Художественное время – это авторская репрезентация и читательская перцепция реального времени, социально-политических, исторических и культурных явлений.

Пространство и время как текстовые универсалии становятся методологической платформой авторской игры, приводящей к сложнейшим трансформациям пространственно-временных отношений, выраженных в уникальном применении конкретных языковых средств. Помимо авторской интенции, арсенал используемых языковых единиц зависит от семиотических и лингвопоэтических измерений пространства и времени.

Художественное время, являясь семиотической и лингвопоэтической категорией текста, понимается как составляющая хронотопа, что диктует деление времени текста на действительность субъекта изображения (субъективное время) и на действительность героя (фабульное время, фон художественных событий, моделирование реальности в соответствии с авторским замыслом). То есть, художественное время рассматривается с пяти позиций: физическое, или календарное время, историческое, или историко-социальное, мифологическое, биографическое и субъективное. Разные типы времени обладают различным семиотическим потенциалом, их семиозис имеет в художественном тексте собственную языковую репрезентацию.

Изучение категории пространства как семиотической и лингвопоэтической категории художественного текста позволяет утверждать, что наиболее полноценный анализ семиотики пространства и её языковой репрезентации может быть произведён, если учитываются не только физическое пространство, описываемое в тексте, но и обращаясь к жанру произведения и главному герою. О взаимосвязи жанра и пространства писали такие исследователи текста, как Ю. М. Лотман («Художественное пространство в прозе Гоголя», «Внутри мыслящих миров» и пр.), М. М. Бахтин («Формы времени и хронотопа в романе») и другие. Известно утверждение М. М. Бахтина, говорящее, что хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Ю. М. Лотман считал, что жанр сохраняет память об иной системе кодирования. Кроме того, полагая, вслед за М. М. Бахтиным, пространство художественного мира антропоцентричным, мы рассматриваем его и через «пространственную форму героя», через, по М. М. Бахтину, «кругозор действующего сознания» главного персонажа, поскольку образ человека в литературе всегда существенно хронотопичен. Восприятие пространства и его характеристик главным героем становится в таком случае важнейшей коннотацией при интерпретации знаков пространства.

Семиозис пространственной категории, проявляющейся в географических координатах художественного мира, хронотопичности главного героя и жанровых особенностях произведения, получает особые языковые средства выражения.

Особую важность для нашего семиотического исследования пространства и времени представляет понятие хронотопа, разработанное М. М. Бахтиным, который трактует его как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе».

Художественный хронотоп обладает широким набором функций: онтологическая, антропоцентрическая, эстетическая, сюжетообразующая, символическая, которые работают на создание смыслов в художественном тексте, а значит, реализуют основную функцию хронотопа – смыслообразующую.

Систему пространственно-временных представлений вырабатывает каждое индивидуальное сознание в зависимости от национального, социального, культурного, исторического и другого опыта. Этим определяется такая значительная свобода манипуляций с категориями, особенно в современной литературе, испытывающей влияние постмодернистской эстетики.

Связь рассматриваемых категорий формирует новые смыслы, не описываемые собственно категориями. Именно в этом отношении текст становится объединяющим началом, а функциональная грамматика раскрывает специфику языковых средств выражения категорий времени и пространства: соответствующих лексических конструкций, морфем, словоформ частей речи (в основном, глаголов, существительных, прилагательных и наречий) и различных моделей предложения.

Вторая глава «Текстовые категории времени и пространства, их семиозис и функции в современном русском романе-антиутопии» содержит последовательный анализ языковых средств, формирующих семиозис темпоральной и локальной категорий в трёх романах-антиутопиях: «Кысь» Т. Толстой, «Невозвращенец» А. Кабакова, «Теллурия» В. Сорокина.

Общей жанровой особенностью рассмотренных романов стала реализация антиутопических сценариев, воплощение антиутопических идей, что и определило темпоральную образность данных произведений. Жанровое ядро современного русского романа, реализующего антиутопические идеи, является собой отражение значимых исторических событий и явлений, конца XX – начала XXI века: процесс распада советской системы, геополитические вопросы, появление новых государств на постсоветском пространстве, культурные и социальные кризисы, политические и экономические катаклизмы и др. Важным идейным содержанием таких произведений становятся и размышления на философские темы: свобода и насилие, духовные поиски человека, осмысление человеком своего места и призвания и пр. Антиутопия (или её элементы в романе) становится наиболее актуальным вариантом прозы для русского читателя, формирующим такой семиозис, который позволяет читателю осмыслить собственную действительность, изменить собственное сознание.

Моделирование художественного мира современного романа по-прежнему основывается на двух ключевых текстовых категориях – времени и пространства. Автор, создавая художественный мир, строит его по лекалам мира реального (или точнее: восприятия этого мира), и это значит, что пространство-время становится смыслообразующей основой художественного текста. Категории времени и пространства предстают в традиционной для себя

функции – функции основных текстовых категорий, формирующих через языковые средства смыслы, заложенные автором и воспринимаемые читателем. Художественное время и пространство выступают и в качестве лингвистических категорий, и в статусе универсалий текста, его семантической основы и главнейших элементов структуры.

Исследование показало, что испытывая на себе воздействие постмодернистских культурных тенденций, современный художественный текст максимально свободно манипулирует этими категориями. И темпоральная, и локальная категории, несмотря на свою, казалось бы, универсальность, выстраиваются в тексте каждый раз по-новому.

Семиотика **пространства** интегрирует в себя жанровые требования к локусам, хромотопическое восприятие художественной действительности героем и пространственной координаты реального / вымышленного мира. Способы художественного моделирования пространства в данных романах различны: экстраполяция героя в будущее, метаморфоза, метафора, гротеск, создание альтернативной истории и др.

Традиционными для антиутопических текстов характеристиками пространства являются его ограниченность, замкнутость, разобщённость. На этом уровне читатель осмысляет ключевые социально-политические события и явления в истории современной России: распад империи, возникновение новых государств, политические, экономические, духовные кризисы и т.д.

Эти же реалии позволяют выстроить семиозис пространства, исходя из взаимодействия с главным героем, который всегда хромотопичен: антиутопический герой находится в вечном поиске выхода из замкнутого пространства, которое не даёт ему связи со смыслом, и находит его или в ином физическом пространстве («Невозвращенец»), или в пространстве ирреальном («Кысь» и «Теллурия»). И это становится важнейшим опытом для героя, без которого не складывается сюжет, не проявляется семиозис.

Семиотический подход, применённый в настоящем исследовании, позволяет актуализировать, помимо традиционных способов языкового выражения пространственной категории (главным образом, локальная лексика и предложно-падежные сочетания), и другие языковые средства, участвующие в семиозисе текстовой категории пространства.

Прежде всего, к таким экспликаторам относятся лексемы, денотативно и коннотативно эксплицирующие пространственные характеристики. Будучи одним из самостоятельных членов семантического ряда, отдельное слово с пространственной семантикой обретает знаковую способность раскрывать заложенные смыслы, участвует в семиозисе и становится инструментом читательской интерпретации, например: семиозис пространства в романе «Невозвращенец» выстраивается вокруг оппозиции пространство свободное (для «будущей части романа) / несвободное (для части «настоящей»). Пространство «настоящего» репрезентируется категориальными семами «замкнутое, бытовое, пустынное, статичное, отжившее» и обобщающей семой –

несвободное. Каждая категориальная сема, эксплицирующая пространственную семантику, раскрывается рядом лексем, которые соотносятся с общей семантикой ряда, в том числе определяемой контекстуально. Так, физическое пространство «настоящего» эксплицируется такими лексемами-типизаторами, имеющими пространственную сему – «помещение»: *лаборатория, коридор, кабинет, дом, номер, лифт, какая-то квартира*. Контекстуально они объединены в ряд, имеющий более общую категориальную сему «замкнутость», «ограниченность».

Рассмотрим другой пример. В качестве пространственных знаков выступают глагольные формы. В пространстве «настоящего» – отсутствие событий, всё действие заключено в диалогах, событийность находится в области сознания главного героя, который осознаёт себя и принимает решения в ходе разговоров. Эта характеристика грамматически построена на использовании собственно прямой речи в диалогах героев и отражена в одноактных глаголах: *сказал, увидел, сообщил, подумал, воскликнул, ужаснулся, рассмеялся, согласился, возразил, заметил, вставил* и мн. др. Для перечисленных глаголов может быть выделена общая категориальная сема «действие с отсутствием движения», тогда и пространство, в котором реализуются такие глаголы, может быть охарактеризовано как статическое.

Эти и другие характеристики, которые подробно рассмотрены в тексте исследования, имплицитно означивают пространство как несвободное, поскольку историческое сознание героя, память о национальном прошлом (с его мигающими лампочками в местах заключения, конторами и коридорами, ограничением в передвижении граждан и т.д.), а также вектор, задаваемый антиутопическим жанром романа, позволяют определить приметы именно несвободной картины мира, и, значит, — пространства несвободы. И собственно эта несвобода предопределяет побег из «настоящего», требует освобождения желания, решительного внутреннего выбора. При перемещении героя из «настоящего» времени в «прошлое» характеристики пространства меняются, меняется семиозис. Пространство «будущего» приобретает оппозиционные характеристики: закрытое становится открытым, бытовое преобразуется в историческое, пустынное заполняется, статичное неизбежно меняет характер на динамичное, вместо поломанного предстаёт неразрушаемое.

Таким образом, на лексическом уровне семиозис в первую очередь формируют лексемы, определяющие пространство и характеризующие его через семантические оппозиции как заполненное / пустое, ограниченное / свободное, раздробленное / объединённое и т.д.

Кроме того, в семиозисе пространственной категории в текстах задействованы грамматические конструкции, которые через жанровую стилизацию кодируют разные пространства. Например, Т. Толстая в романе «Кысь» выстраивает семиозис пространства архаичного. Основным языковым приёмом для автора в демонстрации архаического в сознании главного героя, Бенедикта, становится восприятие и осмысление неизвестных для него слов –

«из жизни Прежних»: «могозин», «аружые», «оневерстецкое абразавание», «энтелегенция» и пр.

Также примером актуализации архаичности сознания главного героя служит использованием разговорных, диалектных, устаревших лексических форм. Особенно частотно и показательно использование «русского перфекта», устаревших и/или диалектных глагольных форм:

Крюк-то запачкавши. Книги валяются как ни попадя, с полок попадавши.

Мало, что сам помре, да как помре: весь чёрный стал, раздулся как колода и лопнул; да мало того: у него вся земля осемши и проваливши...

А никого и нетути, все будто попрятавшись.

В романе «Теллурия» жанровое разнообразие, или – точнее – переключка жанров работает на выстраивание семиозиса пространства. Читателю предлагается стройный, очевидно вычисляемый мир антиутопии, который легко, в свою очередь, переходит в жанр памфлета. Каждая глава романа – пародия на жанр, каждому пространству – свой жанр и свой язык. Каждый жанр использует свои языковые средства воплощения.

Например, в главе XXVI актуализируется жанр листовки-призыва. Языковыми приметами, в частности, здесь являются характерные для листовок:

- обращения: *Православные! Граждане! Товарищи!*
- призывы к действию: *Долой узурпатора и его банду! Все на митинг!*
- окрашенная лексика, характерная для идеологических текстов (публицистический стиль): *узурпатор; изверги рода человеческого; князь наш; захват власти; шайка разбойников; бесовское обморачивание и пр.*
- риторические вопросы: *Доколе терпеть нам, подольчанам, издевательства узурпатора? И где теперь обретается господин Мокшев?*

Организация главы XXXIV соответствует классическим описаниям морфологического устройства сказки: зачин, добывание волшебных предметов, встреча с волшебным помощником, преодоление трудностей и пр.

На языковом уровне «сказочность» реализуется через:

- лексемы с семантикой «волшебный»: *самоход, колобок;*
- синтаксические конструкции, свойственные сказкам: *Здравствуйте, дедушка. – Здравствуй, Варюха-горюха, – старичок ей отвечает. И стали Опиловы жить-поживать да добра наживать; и др.*

Подобное жанровое разнообразие, проявленное на лексическом, лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях, с одной стороны – поддерживает идею раздробленного пространства антиутопического художественного мира (свое пространство, свой язык), с другой стороны – даёт возможность автору выстраивать полипространственность, отменяя детерминированность сюжета и героев пространственными координатами

Переход от элементов пространственного каркаса к знакам пространства в тексте позволяет читателю интерпретировать все заложенные автором смыслы. Например, показательным является выстраиваемая в романе «Кысь» семиотика сторон света, которые включены в универсальную пространственную модель. Север предстаёт природно враждебным и полным опасности: *«дремучие леса», «бурелом», «ветви переплелись и пройти не пускают», «колючие кусты за порты цепляют», «сучья шапку с головы рвут»*. Именно в северные леса помещает автор мифический образ Кыси, которая сулит верящему в неё не только физическую гибель, но и катастрофические и необратимые ментальные и душевные трансформации, потерю человеческого облика. Южное направление автор символически выстраивает как пространство, где реализуется семиотическая оппозиция *«свой-чужой»*, выстроенная в «довзрывном» сознании. В качестве основного приёма Толстая здесь использует семантические поля со значением *«угроза», «война», «чужой»*. И только восток потенциально раскрывает границы города, мыслится пространством безопасным, радостным: *«леса светлые», «травы долгие, муравчатые», «цветики лазоревые, ласковые» и т.д.* И это неслучайно. Восток в архаической мифологической картине мира – место рождения солнца, символ тепла и возрождения жизни, поэтому и лексическая замена «востока» на «восход» незаметна и естественна.

Описывая стороны света и наделяя их символическими чертами, Т. Толстая усиливает несобственно-прямой характер речи. И тогда рассказ о сторонах света звучит как обобщение опыта многих поколений и как завет «знающих людей» по обживанию, очеловечиванию географического и мифического пространства. Мифологизируя пространство, выстраивая его символическими координатами, автор строит художественный мир как иерархию смыслов не только для героев, но и для читателя.

Таким образом, авторы применяют разнообразные языковые средства для реализации знаковых игр и на уровне жанров, выбор которых предполагает и использование при выстраивании пространственной категории соответствующих стилей и языковых конструкций.

Как показал анализ, каждый художественный текст выстраивает свою собственную структуру **времени** и включает в неё произвольно те или иные элементы темпоральности (виды времени).

Семиотика времени в современном романе выстраивается преимущественно вокруг исторического / мифологического времени, но не календарного. Автор смещает акценты, нивелирует главенствующую роль календарного времени в романе, выбирая в качестве романских ориентиров знаки мифологического («Кысь») или исторического («Невозвращенец») времени. Или автор, отменяя детерминированность героя эпохой, историческим контекстом, сохраняет за временем функцию лишь фона для реализации собственной интенции («Теллурия»).

Календарное время предстаёт, как правило, как предложенные обстоятельства для разворачивания событий, действий и мыслей персонажей. Семиотический потенциал у этого типа времени в тексте невелик: его семиозис формируется за счёт денотативных значений языковых знаков, эксплицирующих время.

Многоаспектность и структурная сложность темпоральной категории предопределяет сложную структуру её языковой репрезентации.

Номинации с темпоральной семантикой формируют временной каркас художественного времени, выражая преимущественно время календарное.

Ключевую роль в семиозисе категории времени играют языковые средства репрезентации историко-социального фона событий. Здесь также обнаруживается связь образов художественного мира с историческими, социально-политическими и культурными событиями российской действительности.

Набор используемых автором средств в этом случае многообразен:

- темпоральная лексика, денотативно и коннотативно относящаяся к некоторым периодам истории России, например, в романе «Невозвращенец» «настоящее» время означает как время позднесоветское, приметами которого становятся характерные описания всех казённых мест того периода. Используются следующие номинации: *кадры* (название отдела); *присутственные стены*; *вечно мигающие полусломанные лампы дневного света*; *архаические ковровые дорожки*; *вид заштатной конторы*; *сортиры, выдающиеся даже по отечественным меркам*. Языковые единицы, формирующие данный семантический ряд, обладают общей категориальной семой «относящееся к советскому учреждению». Помимо этого, коннотативное значение данного ряда однозначно описывает исторический период, равный советскому времени.

Время романа «Невозвращенец» соотносится с эпохой советской истории, когда судьбы граждан государства была полностью в руках власти, когда человек чувствовал незащищённость вне зависимости от своего положения и достатка, когда роковые решения могли приниматься и реализовываться без суда. Узнаваемыми маркерами становятся лексические единицы, которыми описывают сотрудников органов внутренней безопасности и их деятельность: *люди в серой полицейской форме*; *люди в штатских куртках*; *трое в хороших серых пальто и меховых шапках*; *«воронки» по ночам ездят*; *черная «Волга»*. Каждая из этих единиц в своём денотативном значении не раскрывает суть описываемого явления и только встраиваясь в ряд, семантически преобразуется и приобретает коннотативное значение.

- лексико-грамматические средства языковой стилизации, отсылающие читателя к определённой социально-исторической эпохе, например, для романа «Теллурия» семиозис времени определяется контаминацией исторических контекстов, своего рода новым средневековьем, на фоне

которого исследуется природа человека с его стремлением к истине, к счастью – и сейчас, и в будущем, и в Средние века, и в начале времен. Смешение времен выявляется как на уровне жанровой переключки частей романа между собой, так и внутри отдельной главы, что является часто используемым приемом.

Так, в главе IX читателем считываются знаки эпохи Советского Союза: специфическое обращение (*товарищ*), лексемы с категориальной семой «относящиеся к советскому»: *секретарь горкома, портрет Ленина, съезд партии*. Использование слов и синтаксических конструкций, характерных для современного бизнес-слэнга, маркирует современный язык деловых переговоров: *Государевых фондов не будет до января; Как это – отозвать по скользящему договору?* Знаки православной религии проявлены в лексемах, имеющих денотативное значение «предметы культа»: *темнел массивный киот; теплилась лампадка*. Авторской насмешкой над лабильностью принципов и легкостью пересмотра идеологии становится оксюморон *православные коммунисты*, раскрывающий семиозис распада, происходящего «здесь и сейчас».

В главе XVII приметы условного будущего узнаются по лексемам *новостной пузырь; умница*. Современность репрезентируется лексемами, характерными для описания нашего времени: *четырёхполосная дорога; бензин; ваххабитский ставленник*. Знаками недавнего советского прошлого становятся относящиеся к газетному стилю слова: *горкомовский; чистка; член партии*.

Смешение этих времен героиня главы проживает в сценарных условиях русского средневековья, означиваемого посредством:

- архаичной лексики: *окольниковый; вдовица; дворня; токмо; нынче; надобно; ежели;*
- имен собственных, коннотативно относящихся к Средним векам на Руси: *Гаврила, Еропка, Василиса, графиня Семизорова, Варвара свет;*
- стилистических приемов, формирующих жанр главы – дневник: монологичность речи, обращение к отсутствующему или воображаемому собеседнику (*Здесь ты, Юрочка, целованием в уста поздравил меня, жену твою; Прощай, Москва жестокая!*), риторические вопросы (*А как еще в жизни моей теперешней?*), использование неполных предложений, эллипсов и сокращений (*Ворота настезь, дворня в рев; После всех треволений позволительно; И пусть им!*), использование слов, ярко стилистически окрашенных (*жрать, упырь, кучи лежат*).

В современном русском романе-антиутопии наблюдается **новая связанность** категорий времени и пространства, которая позволяет автору усиливать или уменьшать их влияние на смыслообразование, на появление новых интерпретаций. Так, современный роман может заменить пространственное движение временным («Невозвращенец»), сделать одним из типов времени призмой, через которую осмысливается вся темпоральность текста («Кысь») или вовсе, отменяя детерминированность человека временными и

пространственными контекстами, перевести категории времени и пространства из центральных категорий художественного текста на периферию, оставляя, однако, их как обязательное условие репрезентации авторских идей («Теллурия»).

То есть, и структура, и функции ключевых категорий художественного текста меняются: для семиозиса, реализуемого автором, важна связка пространства-времени другого типа, связка подвижная, при которой возможно играть в перемещение темпоральных и локальных координат, «опрокинуть» одну категорию в другую, заменять реальное пространство-время на виртуальное и т.п.

Эта трансформация и является базисом, основой для семиозиса. Читатель нуждается в дополнительных векторах анализа: осмыслении культурных, социальных, политических, философских контекстов. И именно семиотический язык описания категорий времени и пространства, их связи между собой выступает инструментом, позволяющим такой анализ провести.

Связь внутри пространственно-временной категории в тексте выражается в факте взаимопроникновения, организовывая тем самым и сущность авторского замысла, и структуру произведения, и специфику проявления стиля писателя. Каждый автор использует определенный набор языковых средств, способствующих полноценному раскрытию темы, идеи, сюжетно-композиционных линий произведения – именно они обнаруживают для читателя сущность хронотопа как смыслообразующей основы любого текста, а также детали пространственно-временных взаимосвязей. Средства языковой репрезентации текстовых категорий времени и пространства располагаются на всех языковых уровнях, к ним можно отнести не только лексемы, но и синтаксемы, граммемы, синтагмы, хрононимы и топонимы.

Таким образом, арсенал языковой репрезентации категорий времени и пространства, участвующий в семиозисе и структурирующий их семантику, затрагивает все языковые уровни и включает практически все языковые единицы, которые участвуют в создании пространственно-временного континуума в художественном тексте.

Проведённое исследование показывает, что категории времени и пространства в художественном тексте обладают особой комплексной, многослойной, иерархически организованной структурой, включающей в себя, с одной стороны, сложноорганизованные взаимосвязанные семантические поля темпоральности и локальности, с другой стороны – прагматические отношения, основанные на авторских установках и читательской интерпретации. Семантика и прагматика, как два измерения семиотики, в художественном тексте разграничиваются, но соотносятся: категории времени и пространства получают в произведении и языковые и внеязыковые значения, таким образом, можно говорить о том, что время и пространство в тексте шире, чем в языке.

Представляется, что дальнейшие исследования текстовых категорий – в том числе пространства и времени – целесообразно продолжать на более

обширном материале (например, в сравнении русской прозы и зарубежной, художественного текста и нехудожественного, литературу постмодернистского ключа и других направлений и т.д.) с позиций междисциплинарности, учитывая семиотические, философские, литературоведческие и собственно лингвистические подходы, что позволит получить комплексное представление о важнейших семиотических и лингвопоэтических текстовых категориях.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования и излагаются его основные результаты.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых международной базой данных Web of Science (издание рекомендовано ВАК Минобрнауки):

1. Повалко П. Ю., Рыбаков М. А. Пространство как семиотическая и лингвопоэтическая категория в романе А. Кабакова «Невозвращенец» // Вестник Томского государственного университета. – Томск: ТГУ, 2017, № 419 – С. 54 – 60.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

2. Повалко П. Ю. Пространство и время как категории художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: РУДН, 2016, №3 – С. 106 – 112;
3. Повалко П. Ю., Денисенко В. Н., Рыбаков М. А. Феноменология языковых средств в семиозисе художественного текста (на материале романа Т.Н. Толстой «Кысь») // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – М.: МГУ, 2017, № 3 – С. 69 – 78;
4. Повалко П. Ю. Барышникова Е. Н. Семиотика времени и её языковая репрезентация в романе В. Сорокина «Теллурия» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: изд-во «Грамота», 2017, № 12-2 (78) – С. 75 – 79;
5. Повалко П. Ю. Структура семиотической категории времени в художественном тексте (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: РУДН, 2017, №4 – С. 1227 – 1248.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. Повалко П. Ю. Функции категорий пространства и времени в художественном тексте // *European Journal of Literature and Linguistics*. – Австрия, Вена: «East West», 2016, #3 – С. 51 – 54;
7. Повалко П. Ю. К вопросу о процессе семиозиса в художественном тексте // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. LXVII междунар. науч.-практ. конф. № 12(67). – Новосибирск: «СибАК», 2016 – С. 116 – 120;
8. Повалко П. Ю. Space as the semiotic category in the dystopian novel *Kys'* by T.Tolstaya // *Global scientific activities: current issues, achievements and innovations: materials of the I European international research and practice conference February 28th, 2017. Munich, Germany: Scientific publishing centre "Open knowledge"*, 2017 – С. 64 – 71.

Повалко Полина Юрьевна (Россия)

Семиозис текстовых категорий времени и пространства в современном русском романе-антиутопии

Диссертационное исследование посвящено выявлению специфики компонентов и средств репрезентации семиотического акта (семиозиса) категорий времени и пространства в текстах современных русских романов-антиутопий.

К анализу материала современных русских антиутопических романов Т. Толстой «Кысь», А. Кабакова «Невозвращенец», В. Сорокина «Теллурия» был применён семиотический подход, который предоставляет исследователю художественного текста возможность преодолеть некоторую «ограниченность» чисто грамматического взгляда при анализе таких сложных, многосторонних категорий, как время и пространство, и проследить связи исследований языка с иными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека. Рассмотрение филологических, философских, культурологических и социально-исторических аспектов позволяет добиться полноты, объёмности и подлинности анализа, увидеть, раскрыть и интерпретировать все заложенные в тексте смыслы.

Результаты исследования имеют практическую значимость как для дальнейших научных исследований по семантике текста и филологической герменевтике, так и для учебного процесса. В частности, его результаты могут использоваться при подготовке общих и специальных курсов, посвящённых лингвистическому и литературному анализу художественных текстов, семиотике художественной речи и функциональной семантике.

Polina Yurievna Povalko (Russia)

Semiosis of time and space text categories in modern Russian dystopian novel

This research is dedicated to identifying the components and means of representation of the semiotic act (semiosis) such as time and space categories in the texts of modern Russian dystopian novels.

To analyze the material of modern Russian dystopian novels *Kys'* by T. Tolstaya, *Nevozvrashchenets [The Defector]* by A. Kabakov, *Telluria* by V. Sorokin, a semiotic concept has been applied. It gives the researcher of literary texts an opportunity to "look beyond" purely grammatical aspects. While analyzing such complex, diversified categories like time and space, this method has been used to trace the links of language research with other forms of man's intellectual activities. Consideration of philological, philosophical, cultural and sociohistorical aspects allows to achieve completeness, extensionality, and authenticity of analysis and find, reveal and interpret all the meanings intended in the text.

The results of the research are of practical importance both for further scientific research on the semantics of the text and philological hermeneutics as well as of the educational process. In particular, its results can be used in the preparation of general and special courses on linguistic and literary analysis of literary texts, the semiotics of belles-lettres and functional semantics.